АНТИ-ТЕЛЕГРАФЪ,

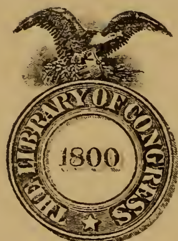
или

ОТРАЖЕНІЕ НЕСПРАВЕДЛИВЫХЪ НАПАДЕНІЙ Г-на ПОЛЕВАГО.

МОСКВА.
1826.

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

АНТИ-ТЕЛЕГРАФЪ,

или

ОТРАЖЕНІЕ НЕСПРАВЕДЛИВЫХЪ НАПАДЕНІЙ Г-на ПОЛЕВАГО.

Сочиненіе

Александра Писарева,

Дѣйствительнаго Члена Обществъ Любителей Россійской Словесности: при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и Санктпетербургскаго Вольнаго.

L'opinion qu'on énonce sur un ouvrage n'est presque jamais que l'expression du sentiment que l'on porte à l'auteur.

Jouy. Herm. de la Chaus. d'Antin.
Tome V. p. 144.

МОСКВА.

Въ Типографіи Императорскаго Московскаго Театра.
1826.
У Содержателя А. Похорскаго.

Печатать позволяется

Москва, Марта 11 дня, 1826 года. Сію книгу разсматривалъ Адьюнктъ Надворный Совѣтникъ

Дмитрій Перевощиковъ.

ГОСПОДАМЪ ЛИТТЕРАТОРАМЪ,

на которыхъ

нападалъ Г. Полевой,

съ глубочайшимъ уваженіемъ

посвящаетъ

Александръ Писаревъ.

Приступая къ защищенію себя отъ нападеній противника, крѣпкаго не столько правостію дѣла, сколько возможностію нападать безпрестанно, я нѣсколько разъ останавливался. — Мысль, что даже люди благомыслящіе могутъ обвинить меня въ непростительномъ самолюбіи, — удерживала перо мое. — Но разсудивъ съ другой стороны, что въ быту гражданскомъ первое, коренное право состоитъ въ защищеніи своей собственности и что тѣ же люди, которые смѣются надъ Писателемъ, заступающимся за драгоцѣнную для него, неусыпными трудами приобрѣтенную собственность — мнѣніе Публики, что тѣ же люди не позволятъ отнять у себя полдесятины земли, я перестаъ колебаться.— Чувствую, что иду на поприще опасное, гдѣ побѣда не можетъ принести никакой чести, и гдѣ невозможно словами выразить всего стыда пораженія; но, не смотря на ето, приступаю къ своему оправданію, ибо дорожу мнѣніемъ людей образованныхъ (*).— Прежде всего замѣчу, что вступаю въ бой нерав-

(*) Хотя образованные люди сами могутъ видѣть: кто правъ и кто виноватъ въ спорахъ Литтературныхъ; но не всѣ образованные читатели возьмутъ на себя трудъ сличать статьи, разсѣянныя по Журналамъ.

ный: я, какъ Писатель, подвергаюсь всей жестко-сти критикъ Г-на Полеваго; его же произведеній мнѣ цѣнить невозможно, ибо ихъ никто не видалъ и не знаетъ.

Во всякомъ дѣлѣ одинъ только шагъ отдѣляетъ *употребленіе* отъ *злоупотребленія*. — Потому и Журналы, изобрѣтенные для скорѣйшаго сообщенія и размѣна новыхъ познаній, скоро сдѣлались орудіями вражды личной и отголосками партій. — Такому отступленію отъ первобытной, благотворной цѣли, всего скорѣе должно было случиться въ Россіи, гдѣ общее мнѣніе еще не опредѣлило взаимныхъ обязанностей Литтераторовъ между собою; и гдѣ Журналистъ - Компиляторъ или Переводчикъ въ прозѣ стоятъ на ряду съ Поэтомъ оригинальнымъ, или съ глубокомысленнымъ прозаикомъ, подъ общимъ названіемъ *Писателей*. Нашу Публику равно занимаетъ и хорошее сочиненіе Автора и острая (*) шутка Журналиста надъ етимъ сочиненіемъ; хотя послѣдняя есть плодъ минутной веселости, а первое требовало много-лѣтнихъ усилій ума. — Пользуясь симъ счастливымъ расположеніемъ Читателей, Журналисты наши иногда нападали на извѣстныхъ Авторовъ, но будучи сами Литтераторами, они нападали мгновенно и всегда помнили должное уваженіе къ ха-

(*) А часто и не острая!

рактеру Писателя. — Это продолжалось до 1825 года.

При самомъ вступленіи моемъ на поприще Словесности, я слышалъ отъ многихъ Литтераторовъ о Г. Полевомъ, какъ о человѣкѣ, исполненномъ благородной страсти къ наукамъ.— Будучи всегда чуждъ зависти и любя Словесность какъ *цѣль*, а не какъ *средство*, я внутренно радовался новому сподвижнику и думалъ видѣть въ немъ достойнаго послѣдователя почтеннаго И. Д. Ерлова. — Большая часть Московскихъ Литтераторовъ поощряла Г. Полеваго похвалами и совѣтами къ дальнѣйшимъ занятіямъ но излишнія похвалы вреднѣе брани; весьма часто молодые люди — обѣщаемое принимаютъ уже за полученное и похвалы своему *трудолюбію* относятъ на щетъ необыкновенныхъ своихъ *дарованій;* забывая, что одно трудолюбіе въ Словесности ни къ чему не ведетъ и что трудолюбивый Тредьяковскій заслужилъ самую незавидную славу. — Нѣсколько разъ покушался Г. Полевой писать стихами и прозою; не видя удачи ни въ томъ ни въ другомъ родѣ, онъ рѣшился сдѣлаться Литтераторомъ, не производя ни чего; не успѣвши обратить на себя общее мнѣніе, онъ захотѣлъ управлять его приговорами на щетъ другихъ — и сдѣлался Журналистомъ; то есть сдѣлался учителемъ, не бывъ ученикомъ.

Программа Московскаго Телеграфа по своей обширности и разнообразію привлекла много подпи-

счиковъ. — Одни, вообразили, что въ Г. Полевомъ заключается вся Европейская ученость — и подписались. Другіе, слыша о множествѣ пренумерантовъ; не захотѣли отстать отъ прочихъ — и подписались. — Третьи, зная средства Г. Полеваго, мало вѣрили обѣщаніямъ Программы, но увлеклись любопытствомъ — и также подписались. — И. Г. Полевой, не издавши еще ни одной книжки своего Журнала, прослылъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ и Литтераторовъ нашихъ.

Пора объяснить Читателямъ загадку Программы (*). Нѣсколько молодыхъ людей сообщали другъ другу свои произведенія и пользовались взаимными совѣтами; въ числѣ ихъ былъ и Г. Полевой. — Рѣшились издавать общими силами Журналъ, въ которомъ каждый занимался бы особенною отраслію человѣческихъ познаній; но статьи должны были помѣщаться по общему согласію. — Г. Полевой былъ избранъ Редакторомъ и его особенному попеченію поручены были Исторія и Статистика. Надѣясь на соединенныя силы своихъ товарищей, новый Редакторъ издалъ Программу, которая удивила всѣхъ; но съ перваго нумера прочіе сотрудники отказались участвовать въ Телеграфѣ за помѣщеніе нѣкото-

(*) Никогда не позволилъ бы я себѣ открывать чужія Литтературныя тайны; но Г. Полевой въ 13 No М. Т. показалъ мнѣ примѣръ.

рыхъ статей безъ ихъ согласія. — И Г. Полевой остался *одинъ* для изданія Журнала, который по Программѣ своей требовалъ бы соединенныхъ трудовъ цѣлой Академіи ученыхъ. — Могъ ли онъ одинъ выполнить ету обязанность? — Рѣшительно отвѣчаю: не могъ! и доказываю тѣмъ, что въ книжкахъ Телеграфа нѣтъ многихъ статей, обѣщанныхъ Программою; а другія обработаны наскоро, ошибочно, или лучше сказать — вовсе не обработаны.

Съ самаго появленія своего на горизонтѣ нашей Словесности, Г. Полевой былъ въ отношеніи ко мнѣ какимъ-то неприязненнымъ свѣтиломъ. — Не понимаю причины етому! Знаю, что инымъ грустно было видѣть меня удостоеннымъ званія Дѣйствительнаго Члена *двухъ* Обществъ; другимъ не понравился лестный приемъ первыхъ моихъ Драматическихъ произведеній Московскою Публикой. — Но ети причины не могли руководствовать Г. Полевымъ:

Къ кому ревнивымъ быть онъ можетъ во вселенной! —

Не стану разгадывать нѣкоторыя безименныя статьи... а начну съ произшествій, подкрѣпляемыхъ очевидными доказательствами.

Въ 1820 году, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, читано было стихотвореніе мое: *Марій на развалинахъ Карѳагена.*

Пьеса имѣетъ много недостатковъ и теперь я написалъ бы ее лучше; но, какъ произведеніе осьмнадцати-лѣтняго мальчика, она заслуживала какое нибудь вниманіе. — Что же сдѣлалъ Г. Полевой, когда пришлось ему въ письмѣ къ Издателю Отечественныхъ Записокъ говорить объ етомъ засѣданіи? — Осыпавъ похвалами прочія пьесы, онъ упомянулъ и объ *Маріѣ*, прибавя, что не знаетъ къ какому разряду Поетовъ отнести меня, и боится говорить о томъ, кто самъ пишетъ на всѣхъ критики и антикритики. Ето письмо явно показало недоброжелательство Г. Полеваго въ отношеніи ко мнѣ. — Во-первыхъ, странно заниматься классификаціею, говоря о первыхъ опытахъ молодаго человѣка: должно просто сказать — хороши опыты, или нѣтъ. — Во-вторыхъ, какая нужда до Критикъ и Антикритикъ, когда дѣло идетъ о достоинствѣ стиховъ? и какое право имѣлъ Г. Полевой говорить о моихъ Критикахъ, когда ни одна статья въ етомъ родѣ не была напечатана съ моею подписью? — И наконецъ слова Г. Полеваго не явно ли противорѣчатъ его поступкамъ? шесть лѣтъ назадъ онъ не хотѣлъ оцѣнить стиховъ моихъ, боясь подвергнуться моей критикѣ; а теперь, когда я могу возражать ему гораздо сильнѣе, онъ не боится, съ упорствомъ неприличнымъ благородному поприщу Словесности, нападать на каждую строчку, мною написанную!

При самомъ началѣ Телеграфа я увидѣлъ, чего

мнѣ должно ожидать отъ безпристрастія Г. Полеваго. — Меня не оскорбило мимоходное сужденіе и осужденіе *Поѣздки въ Кронштатъ*, *Учителя и Ученика*, *Просителя* и *Хлопотуна:* можно ли оскорбляться ни чѣмъ не подкрѣпленными осужденіями Г. Полеваго? Но больно было *даже* и въ Телеграфѣ видѣть свои пьесы на ряду съ водевилемъ: *Кто братъ? Кто сестра?* — М. А. Дмитріевъ, по дружбѣ ко мнѣ, вступился за мои произведенія; но тѣмъ еще болѣе ожесточилъ верховнаго Парнасскаго судью.

13-й и слѣдующіе No Телеграфа изумили читателей. — Дотолѣ Полемика занимала немногія страницы Журналовъ; тутъ явилась она въ статьѣ, которая своею огромностію и раздѣленіемъ на нѣсколько книжекъ могла обмануть прозорливость самаго неутомимаго Аристарха. — Обѣщая въ одной книжкѣ дополнить *послѣ* свои доказательства; увѣряя въ слѣдующей, что онѣ уже дополнены; ни гдѣ не подкрѣпляя словъ своихъ очевидностію, Г. Полевой долго сражался съ своими противниками и теперь еще многіе увѣрены, что онъ остался побѣдителемъ. — Не буду разбирать — справедлива ли ста увѣренность, а обращусь къ тому, что собственно до меня касается.

Г. Полевой начинаетъ свою статью учтивымъ вопросомъ:

Кто нашъ Аристархъ! Кто важные судьи! забывъ, что всѣ Писатели, *задѣтые* (*) имъ Г. Полевымъ болѣе права имѣли сдѣлать етотъ вопросъ. — Отъ спора о Прологѣ на открытіе Петровскаго Театра, Г. Полевой обращается къ спору обо мнѣ.— Вотъ его слова и мой отвѣтъ, помѣщенный въ 17 No С. О. на 1825-й годъ. Выписываю ихъ рядомъ, чтобы показать читателямъ, что я не искажалъ словъ Г. Полеваго, какъ онъ послѣ рѣшился искажать и перетолковывать мои слова.

(М. Т. No 13. Особеннаго Прибавленія стр. 39).

„Г. Дмитріевъ съ перваго слова обращается къ тому,, что напрасно не расхвалилъ я комедію Г. Писарева: *Поѣздка въ Кронштатъ*, и сказалъ только то, что ее поддержалъ на Театрѣ талантъ Актера Г. Щепкина: „дурной пьесы не „поддержитъ талантъ Ак„тера.“ — Конечно не поддержитъ, на примѣръ, такого водевиля, гдѣ вся острота состоитъ въ томъ, что три человѣка

(Сына Отечества No 17. стр. 84).

Государь мой!

Будучи совершенно удаленъ по занятіямъ службы и Литтературы не только отъ всѣхъ Журнальныхъ споровъ; но даже и отъ чтенія Журналовъ, особенно же вашего Телеграфа, я очень удивился, услышавъ, что вы упомянули въ немъ и обо мнѣ. — Не благодарю васъ за ету честь, которой я себѣ не желалъ, но сдѣлаю вамъ нѣсколько замѣчаній.

(*) Собственное, учтивое выраженіе Г. Полеваго. См. М. Т. No 13. Особеннаго прибавленія стр. 9.

дерутся на сценѣ, но посредственную пьесу поддержать можетъ, чему свидѣтельствомъ нѣсколько самыхъ слабыхъ пьесокъ, которыя за игру Щепкина, Сосницкаго, Самойлова держатся на Театрѣ. — Г. Писаревъ показалъ въ Лукавинѣ (который, при всѣхъ несовершенствахъ, очень хорошая пьеса), что мы можемъ требовать отъ него не вздорныхъ подражаній Пикару или Скрибу, но пьесъ значительныхъ и оригинальныхъ. — Я слышалъ, что Г. Писаревъ самъ чувствуетъ, что до нынѣ онъ давалъ неправильное направленіе своему таланту, и что онъ теперь занимается сочиненіемъ большой, оригинальной комедіи. Г. Дмитріевъ хвалитъ Г. Писарева: я самъ готовъ отдать ему справедливость, но никогда, а тѣмъ менѣе говоря о Поѣздкѣ въ Кронштатъ, не соглашусь повторить словъ Г. Дмитріева, что „изъ „всѣхъ молодыхъ Московскихъ стихотворцевъ Г. „Писаревъ есть безъ сомнѣнія первый, какъ по „силѣ и красотѣ стиховъ, такъ и потому,

М. А. Дмитріевъ, назвавши меня *первымъ* изъ молодыхъ Московскихъ стихотворцевъ, увлекся своею ко мнѣ дружбою. Онъ былъ пристрастенъ, ошибся; но пристрастія и ошибки такого рода скорѣе прощаются, нежели тѣ, которыя происходятъ отъ *другихъ* побужденій.

Я лучше васъ знаю, что превосходный талантъ Г. Щепкина поддержалъ почти всѣ мои пьесы. — Публика Московская также это знаетъ — и такъ не было вамъ нужды говорить это.

Кажется, вамъ хотѣлось похвалить Лукавина. Не благодарю васъ потому, что хорошее въ этой пьесѣ принадлежитъ Шеридану, а несовершенства принадлежатъ мнѣ.

Вопреки вашимъ словамъ, я никогда не подражалъ Пикару; хотя, не во гнѣвъ вамъ, Пикаръ часто достоинъ подражанія.

Пьесъ значительныхъ и оригинальныхъ вы можете *ожидать* отъ меня; но *требовать* въ правѣ только мои пріятели, а вы никогда не принадлежали и не будете принадлежать къ числу ихъ.

„что почти онъ одинъ по-„стоянно занимается Пое-„зіей Драматической“ — и на ето несоглашеніе имѣю причины. — 1-е. Я не знаю, кто изъ нашихъ стихотворцевъ Московскій, кто Петербургскій, кто Рязанскій, и проч.— 2-е. Не знаю, кто молодъ, или старъ; если же говорить вообще о Писателяхъ, то скажу откровенно, что Г. Писаревъ *не первый* по стихамъ въ театральныхъ сочиненіяхъ, ибо Гг. Грибоѣдовъ, Хмельницкій, Жандръ, Дунинъ-Борковскій и Кн. Шаховской, по моему мнѣнію пишутъ лучше Г. Писарева и даже ограничившись Драматическими Писателями, нынѣ въ Москвѣ живущими, я наименую Гг. Кокошкина, Павлова и Загоскина, которые *по силѣ* и *красотѣ стиховъ* ни чѣмъ не хуже Г. Писарева. Если распространить сти сравненія вообще на стихотворство и опять ограничиться Москвою, то я нахожу, что Гг. Раичь и Шевыревъ, вступившіе также недавно на поприще Литтературы, превосходятъ Г. Писарева въ лирическихъ стихотвореніяхъ.

Читая и перечитывая сочиненія Гг. Кн. Шаховскаго, Хмельницкаго, Кокошкина и Загоскина, я всегда старался приблизиться къ нимъ легкостію и силою слога. Если бы Гг. Жандръ и Павловъ написали комедіи также хорошо, какъ написаны ими *Вѣнцеславъ* и *Марія Стуартъ*, то я за честь бы поставилъ себѣ подражать имъ; но они, къ сожалѣнію, не занимались Комедіями. — Г. Дунина-Борковскаго я знаю только по отрывкамъ изъ перевода *Школы мужей*, и право, изъ нихъ не чему научиться. — Г. Грибоѣдову я не стану подражать въ слогѣ потому, что нашелъ себѣ *лучшіе* образцы.

Люблю и уважаю Г. Раича, какъ Автора и человѣка; наслаждаюсь его переводомъ *Георгикъ* и отрывками изъ *Освобожденнаго Іерусалима*, но, къ сожалѣнію моему, нигдѣ не читалъ его *лирическихъ* стихотвореній, и отъ него не слыхивалъ, чтобъ онъ упражнялся въ етомъ родѣ. Ни отъ кого еще, кромѣ васъ, не слыхалъ о успѣхахъ Г. Шевырева въ Поезіи.

рическихъ стихотворенiяхъ. — и проч.

NB. Знаки препинанiя вездѣ поставлены мною, какъ у Г. Полеваго; если читателямъ что-нибудь покажется непонятнымъ, то виноватъ не я, а Издатель Московскаго Телеграфа.

Совершенно согласенъ съ вами, что Водевиль есть бездѣлка; но бездѣлка, дѣлающая удовольствiе публикѣ, гораздо лучше и важнѣе сухихъ Журнальныхъ статей и безграмотныхъ переводовъ.

Вы сами себѣ противорѣчите, сказавъ сперва, что не знаете, кто *Московскiе* Стихотворцы, и кто *молодъ* и кто *старъ*, а послѣ называя Поэтовъ, живущихъ *въ Москвѣ* и *недавно* выступившихъ на поприщѣ.

Вы называете мои подражанiя Скрибу *вздорными*. Неразборчивость ваша въ выраженiяхъ дала бы и мнѣ право назвать *вздорнымъ* вашъ Журналъ, и, можетъ быть, съ большимъ основанiемъ; но я не хочу подражать вамъ; а только прошу, пока вы волею или неволею не станете соблюдать приличiй, прошу избавить меня отъ помѣщенiя имени моего въ Телеграфѣ.

Послѣ сего вы уже догадаетесь, почему и Г. Дмитрiевъ не хотѣлъ съ *вами* состязаться.

Слуга вашъ
Александръ Писаревъ.

Вотъ что говорили объ спорныя стороны! Благомыслящіе Читатели сами могутъ судить: кто правъ, кто виноватъ, а я позволю себѣ прибавить нѣсколько замѣчаній. — Въ обозрѣніи Литтературы 1824 года, Г. Полевой сказалъ только: „*Г. Писаревъ* „*напечаталъ Поѣздку въ Кронштатъ, Комедію, пе*„*редѣланную изъ Французской — Voyage à Dieppe.* „*Отличный талантъ Актера Г. Щепкина под*„*держалъ ее на Театрѣ.*" — Послѣ же, въ отвѣтѣ М. А. Дмитріеву, Г. Полевой принимаетъ уже недостатки *Поѣздки въ Кронштатъ* за доказанное; хотя онъ ни слова не сказалъ о предметѣ, ходѣ, характерахъ и слогѣ Комедіи; стало осудилъ пьесу, не основываясь ни на чемъ кромѣ желанія бранить меня. — Замѣчаніе объ *остротѣ какого-то водевиля* есть обинякъ на щетъ *Встрѣчи Дилижансовъ*, но и тутъ не удалось Г. Полевому. — Вопервыхъ, никто не признаетъ его судьею остроты; а во вторыхъ, онъ напалъ на пьесу, которая съ одного представленія по моей же просьбѣ выключена изъ Репертуара.—Наконецъ, по какому праву Г. Полевой отдавалъ Публикѣ отчетъ въ моихъ *чувствахъ?* — Не совѣтую ему впередъ это дѣлать: не равно и мнѣ захочется истолковать чувства Г. Полеваго въ отношеніи ко мнѣ; а это истолкованіе едва ли будетъ ему пріятно. — Но пойдемъ далѣе.

Что долженъ былъ отвѣчать Г. Полевой на письмо мое? — Надобно было или молчать, или

стараться очевидно доказать мнѣ мою несправедливость. — Но первое средство было обидно для Журнальнаго самолюбія; а второе не очень вѣрно; и Г. Полевой за благо разсудилъ просто отдѣлаться шуткою, не совсѣмъ позволительною. — Посмотримъ, по крайней мѣрѣ, забавна ли она:

(М. Т. No 20. стр. 407).

,,А. И. Писареву (въ No 17 Сына Отечества) *вздумалось* объявить, что я никогда не былъ его пріятелемъ и не буду принадлежать къ числу ихъ.— Подтверждаю сіе объявленіе и удивляюсь, по какому праву Г. Писаревъ хотѣлъ записать меня въ свои Пилады? Выступая на Литтературную сцену съ критикою, онъ *взялся не за свое дѣло:* не лучше ли было воевать своимъ оружіемъ: романсомъ, пѣсенкой, куплетомъ, каламбуромъ, игрой словъ? — Совѣтую Г. Писареву испытать это средство." —

И только! Пропуская неприличность выраженій, мною подчеркнутыхъ, замѣчу, что Г. Полевой исказилъ слова мои, увѣряя будто я хочу записать его въ свои Пилады.— Читатели могутъ видѣть напротивъ изъ письма моего, что я всячески старался избѣжать етаго нареканія. — Напрасно Г. Полевой называетъ письмо мое *Критикой:* ему, какъ Издателю всеобъемлющаго Журнала, должно бы знать настоящее значеніе словъ. — Говорить, что другой

взялся не за свое дѣло, можетъ только тотъ, кто самъ взялся за свое дѣло; а Г. Полевой еще не доказалъ етаго. — Наконецъ, поблагодаривъ за совѣтъ, замѣчу, что, давая совѣты, должно съ Философическимъ равнодушіемъ готовиться видѣть ихъ исполненными. Иной куплетъ сильнѣе всякой критики и случалось, что *за одинъ куплетъ* собирали въ Театръ толпы крикуновъ и приказывали имъ *ронять* цѣлую пьесу. — Только ето средство не всегда удавалось крикунамъ и ихъ путеводителю.

Симъ не кончились нападенія Г. Полеваго! Въ 23 No М. Т. нѣкто, видно имѣя причину скрывать настоящее свое имя, подписался *Кіовскимъ*; будучи вовсе неизвѣстенъ въ Словесности, стало и не имѣя права судить о ней *печатнымъ* образомъ, онъ однакожъ хотѣлъ мнѣ замѣтить что-то объ водевиляхъ. — Знаю, что всѣ *Гг. Кіовскіе* вообще не любятъ водевилей, особенно тѣхъ, которые понравились Публикѣ; но не желая знакомить Читателей съ *неизвѣстнымъ* Рецензентомъ, перехожу къ отдѣльнымъ нападеніямъ извѣстнаго Публикѣ Г. Полеваго. — Ихъ должно отразить тѣмъ болѣе, что господствующій въ нихъ притворно похвальной тонъ заставитъ многихъ подумать, что я несправедливо обвиняю моего противника въ пристрастіи.

(М. Т. No 15. стр. 252. Сужденіе о водевилѣ: *Забавы Калифа*).

„Сказка о мнимомъ Калифѣ, или Абу-Гассанѣ, была уже у насъ сюжетомъ большой Оперы. — Старики донынѣ вспоминаютъ *Калифа на часъ* и напѣваютъ арію: *О судьи, судьи, плутяги*, нѣкогда съ удовольствіемъ слышанную ими въ Театрѣ. — Изъ етой же сказки взялъ сюжетъ Г. Писаревъ и составилъ забавный водевиль. — Насмѣшки надъ судьями — взяточниками, какихъ много бываетъ въ Турціи, Публика слушаетъ охотно. — Прекрасная музыка Гг. Шольца, Алябьева и Верстовскаго украсила сочиненіе Г. Писарева, кромѣ того написанное легко и шутливо. Напримѣръ зрители всегда смѣются, слыша, что Гассану велятъ чинить мостовую и что писецъ Кадія, взявши съ него четырехъ куръ, совѣтуетъ ему вмѣсто починки посыпать мостовую пескомъ и положить нѣсколько бревенъ: вотъ какъ прежде починивали мостовыя въ Багдадѣ!“

Хотя Г. Полевой прямо не укоряетъ меня въ похищеніи изъ Оперы *Калифъ на часъ*; но къ чему напоминаніе объ ней? — Не лучше ли бы сравнить двѣ пьесы, взятыя изъ одной и той же сказки? Если правда, что старики донынѣ напѣваютъ аріи, то видно старая Опера заслуживаетъ вниманіе Журналиста, особенно въ Россіи, гдѣ такъ мало пьесъ *непереведенныхъ*. — Почему не показать: *что* именно взялъ я изъ сказки, *что* изъ Оперы и чего больше —

заимствованнаго, или моего. — Выраженіе *составилъ* болѣе можетъ относиться къ трудамъ Журналиста-Компилатора, нежели къ занятіямъ Драматическаго Автора; должно было бы доказать, что пьеса моя точно *составлена*, то есть *выбрана* оттуда-то и послѣ уже сочиненіе назвать составленіемъ. — Въ слѣдующей за симъ фразѣ явно проскакиваетъ желаніе уменьшить успѣхъ пьесы: если Публика охотно слушаетъ насмѣшки надъ взяточниками, стоитъ только наполнить пьесу етими насмѣшками, не заботясь о ихъ остротѣ и новости. — Вотъ какъ тонко *изъ за угла* (*) нападалъ Г. Полевой на мой водевиль! а безпрестанно твердитъ о *бренности* водевилей! неужьли прекрасная музыка украсила *изданіе* Забавъ Калифа? — Ето уже слишкомъ! пьеса *забавна* — и то потому, что *составлена* изъ сказки и Оперы, которую помнятъ старики; потому, что Публика любитъ насмѣшки надъ взяточниками, потому что Музыка прекрасна! Вотъ образецъ Логики и безпристрастія! — Далѣе видно, что *кромѣ музыки* пьеса написана *легко* и *шутливо*. — Не вижу отношенія музыки, сочиняемой послѣ, къ легкости и шутливости пьесы; и не знаю, можно ли хвалить пьесу за *легкость* и *шутливость*, за сіи необходимыя условія, безъ которыхъ не льзя выслушать Водевиля. — Но Г. Полевой и не

(*) Собственное выраженіе Г. Полеваго. М. Т. No 13. Особеннаго Прибавленія, стр. 7.

хотѣлъ хвалить *мою* пьесу: доказываю тѣмъ, что онъ приводитъ въ примѣръ легкости и шутливости слова, которыя *однѣ* заимствованы мною изъ старой Оперы. — Вотъ безпристрастіе Г. Полеваго; но мы увидимъ, что онъ не всегда судитъ такъ *легко* и *шутливо*. — Пойдемъ далѣе:

(М. Т. No 22. стр. 196. Сужденіе о Водевилѣ: *Хлопотунъ*).

„Вотъ одно изъ безчисленныхъ произведеній бѣглаго остроумія Французскихъ водевилистовъ. — Эти ефемеры (кто?) сотнями родятся въ Парижѣ и мелькаютъ въ Лету.— Скрибъ, напримѣръ, выставляетъ въ иной годъ дюжину водевилей. — У насъ нѣкоторые Литтераторы хотятъ, чтобы и водевиль составлялъ епоху въ Словесности, и ужасно сердятся, если водевиль назовутъ Литтературною бездѣлкою.— На такихъ судей сердиться не должно: всякой судитъ сообразно своимъ силамъ и понятіямъ. Хлопотунъ передѣланъ Г. Писаревымъ удачно и поддержался на Театрѣ. — Куплетъ:

Воровъ на свѣтѣ не сочтешь;
Но ихъ по классамъ различаютъ:
Однихъ хватаютъ за грабежь,
Другіе сами все хватаютъ....

очень милъ; но странно, что вслѣдъ за тѣмъ Репейкинъ запѣваетъ — о славѣ Россіи и пораженіи врага — перерываетъ куплетъ, бѣжитъ смотрѣть *жареныхъ утокъ*, а Ліонскій допѣваетъ начатой куплетъ:

Врага мы зрѣли своего;
Предъ нимъ Европа трепетала....
Все ето что-то не вяжется одно къ другому.

Оставимъ безъ вниманія неприличность послѣдней фразы и посмотримъ на сущность словъ Г. Полеваго. — Презрительный тонъ, съ которымъ онъ вездѣ говоритъ объ Водевиляхъ, присталъ бы человѣку, доказавшему, что онъ можетъ произвести нѣчто, по выше водевиля. — Дурные Водевили конечно *въ Парижѣ* мелькаютъ въ Лету, но произведенія Фавара, Седена и Скриба всегда останутся украшеніемъ Французскихъ Библіотекъ; между тѣмъ, какъ Журналы и Журналисты сотнями мелькнули въ Лету и не возвратно. — У насъ же, по бѣдности Словесности, и посредственный Водевиль — находка, и дурной Журналъ можетъ имѣть много подписчиковъ. — Гдѣ нашелъ Г. Полевой *Литтераторовъ*, которые *хотятъ, чтобъ и Водевиль составлялъ епоху въ Словесности?* Не хорошо выдумывать такія небылицы въ лицахъ, особенно тому, кто самъ иногда восхищается мѣлкими стишками и обѣщаетъ имъ полный и подробный разборъ. — Дай Богъ, чтобы по словамъ Г. Полеваго всякой *судилъ сообразно своимъ силамъ и понятіямъ!* Тогда у насъ уменьшилось бы число безплодныхъ Рецензентовъ-самоучекъ, и самородные Геніи, не производящіе ничего, не кидались бы подъ ноги Писателямъ,

смѣло идущимъ своею дорогою.—Передѣлать *удачно*— значитъ передѣлать *на обумъ, не обдумавши;* ибо *удача* предполагаетъ болѣе счастія, нежели старанія и умѣнія: хорошо, по крайней мѣрѣ, что похвалы Г. Полеваго легко можно объяснить! — Жаль, что онъ не добавилъ: *чѣмъ Водевиль поддержался на Театрѣ?* — Ужь не *декораціями ль?* — Это было бы похоже на *Музыку, украсившую Забавы Калифа* — *для чтенія.* Напрасно Г. Полевой называетъ *сатирическій,* или *насмѣшливый* куплетъ — *милымъ;* это или неудачная насмѣшка надо мною, или доказательство совершеннаго неумѣнія употреблять слова.— Кстати замѣчу несправедливость и послѣдняго замѣчанія. — Несвязность въ мысляхъ и поступкахъ, часто другъ другу противорѣчащихъ, составляетъ главную черту характера Репейкина; по живости (а не по безумію) онъ безпрестанно переходитъ отъ мысли къ мысли, отъ предмета къ предмету; и чѣмъ быстрѣе и *страннѣе* эти переходы, тѣмъ болѣе выдержанъ главный характеръ и тѣмъ лучше онъ содѣйствуетъ ходу пьесы. — Не худо бы Г. Полевому сперва выучиться обдумывать эти простыя вещи; а то онъ называетъ Водевили бездѣлками и презираетъ ихъ — и не умѣетъ отдать своимъ Читателямъ отчета объ Водевилѣ! и я же обязанъ поправлять ошибки и недогадки моего Рецензента! — Просмотримъ еще одну Рецензію, ибо пора кончить:

(М. Т. No 24. стр. 397. Прибавленіе къ Обозрѣнію Русской Литтературы въ 1824 году).

„Въ Москвѣ напечатана Комедія: *Наслѣдница*, *передѣланная* съ Французскаго А. И. Писаревымъ.— О содержаніи нечего говорить: оно не стоитъ етаго; но, кажется, ни одинъ изъ переводовъ Г. Писарева не былъ такъ плохъ, какъ переводъ сей Комедіи. — Давно у нашихъ Комиковъ въ обычаѣ, выводить на сцену Графовъ и Князей въ какомъ-то странномъ мѣщанскомъ нарядѣ: такъ сдѣлалъ и Г. Писаревъ. — Дѣйствующія лица у него: Графъ Тонской, ничтожный человѣкъ; Любимъ, его племянникъ, безхарактерный повѣса, который только и думаетъ, какъ бы позавтракать; наконецъ Княгиня Лирская — не слишкомъ умная женщина, которую Г. Писареву хотѣлось представить умной кокеткой. — Въ доказательство, разсмотримъ нѣсколько явленій. — *Начало:* Графъ говоритъ, что ему скучно

Служить всѣмъ женщинамъ, *чтобъ не служить одной* —

— пора *завестись Графиней*, что

..... Бѣдный человѣкъ *есть человѣкъ* негодный и что онъ хочетъ Княгиню *обвѣнчать* съ племянникомъ — какъ будто ему можно *вѣнчать!* — входитъ Княгиня; Графъ говоритъ съ нею вотъ какъ:

Вамъ *нуженъ мужъ*, меня гораздо помоложе,

Княгиня отвѣчаетъ ему:

Отъ мужа въ двадцать лѣтъ *терпѣла столько я*,

Что молодой женихъ мнѣ кажется ужасенъ.

Графъ спрашиваетъ ее:

И такъ вы не шутя *боитесь молодежи?* (*)

Княгиня,

О! вовсе не шутя!

Графъ.

Но вѣдь не всѣ похожи

На Князя вашего, есть *столько молодцовъ*.... (**)

Онъ хвалитъ племянника, а Княгиня отвѣчаетъ ему приказнымъ слогомъ:

Прикажете сказать вамъ мнѣніе мое?

Графъ, видя что она бранитъ племянника, увѣряетъ, что племянникъ его въ нее влюбленъ и прибавляетъ:

Я сдѣлаю злодѣйство,

Когда на васъ женюсь; *я погублю семейство.* (***)

(*) Г. Полевой берется судить о слогѣ *разговорномъ* и безпрестанно подчеркиваетъ слова, необходимыя и весьма часто употребляемыя въ разговорѣ. Чѣмъ замѣнитъ онъ слова: *молодежь, солидно, серьезно?* — Неужьли онъ своего слугу не кличетъ: *малой?*

(**) Въ етомъ стихѣ у меня на цезурѣ поставлена точка съ запятою. — Г. Полевой для перемѣны и искаженія смысла поставилъ запятую.

(***) Опять перемѣна и искаженіе смысла отъ перемѣны знаковъ препинанія. — Словомъ *семейство* фраза еще не кончена; слѣдуютъ слова, объясняющія ето *погубленіе.* — Но Г. Полевой хотѣлъ изъ моихъ стиховъ непремѣнно сдѣлать безсмыслицу: мастеръ!

Но вотъ идетъ племянникъ. Первое слово его:

Я завтрака хотѣлъ добиться *своего*,

И что же? Не нашелъ въ столовой *никого.* (*)

Начинается разговоръ — *о томъ*, *о семъ*, *а больше ни о чемъ.* Племянникъ только и твердитъ:

..... Встаньте-ка съ зарей,

Такъ ѣсть захочется...

Я въ пять часовъ съ ружьемъ *таскался по болоту...*

Ей, малой! отнеси все это къ поварамъ,

Вели имъ поскорѣй изжарить этѣхъ *утокъ;*

Смотри же поскорѣй— я голоденъ *безъ шутокъ.* (**)

Княгиня выходитъ наконецъ изъ терпѣнія, (***) говоритъ Графскому племяннику

— Если вы хотите,

Я завтракъ прикажу....

Остаются дядюшка съ племянничкомъ. Дядя шутитъ (****), говоря племяннику, что Княгиня его не любитъ — племянникъ отвѣчаетъ:

(*) За что два невинныя мѣстоименія подверглись гнѣву неумолимаго Рецензента?

(**) Послѣднее полустишіе въ Комедіи относится къ дядѣ. — Г. Полевой, неудовольствовавшись нападеніемъ на *утокъ*, опять перемѣнилъ знаки препинанія и вмѣсто прежняго смысла вставилъ свой собственный.

(***) Неправда!

(****) Опять неправда! Дядя совсѣмъ не *шутитъ*, а съ намѣреніемъ говоритъ это племяннику. — Не хотѣлось ли Г. Полевому *пошутить?* дѣло хорошее, только выдумывать не должно.

... бьюся объ закладъ, что завтра непремѣнно
Влюблю ее въ себя.

Дядюшка отвѣчаетъ: (*)

Да, *съ нею* справиться *труднѣе*, *чѣмъ съ другою!..*

Но довольно для убѣжденія Читателей, что такъ не говорятъ ни свѣтскіе люди, ни въ порядочномъ обществѣ. — Пересматривая одно только IV явленіе, чего не находимъ (**)! Племянникъ хочетъ *солидно приняться за дѣло* (***), говоритъ, что Княгиня *отличная швея*, *имѣетъ воспитанье*, умѣетъ *сохранить хозяйствомъ состоянье.*

.... Я такъ проголодался,
Что если бъ поваръ васъ изжарить догадался,
Такъ я не откажусь...
Для краснорѣчія одна минута есть —
Когда по моему захочешь сильно ѣсть...

(*) Совсѣмъ не то! Г. Полевой тутъ пропустилъ три стиха, поставилъ запятую послѣ слова *да*, и сдѣлалъ фразу утвердительною, вмѣсто возразительной.

(**) Почти всѣ предыдущія выписки взяты изъ IV же явленія и по тридцати стихамъ изувѣченнымъ неправильною разстановкою знаковъ препинанія и оторваннымъ клочкамъ фразъ — Г. Полевой судитъ о Комедіи! *О, судьи, судьи!..*

(***) Племянникъ хочетъ приняться за *дѣла*, а не за *дѣло.* — Г. Полевой нарочно перемѣшалъ разговоръ объ завтракѣ, который уже давно конченъ, съ дѣльнымъ разговоромъ Любима: хорошо ли это?

.... Гусарскій офицеръ,

Не долженъ дѣлать вѣкъ *дурагества такого.*

Дядя не красивѣе племянника выражается; спрашиваетъ его *серьозно* — и говоритъ:

Княгиня —

— Сама

Сказала мнѣ сей часъ, что *нѣтъ въ тебѣ ума!*

И послѣ всего етаго читатель ни мало не удивится искренности дяди, который говоритъ племяннику:

Какой ты *вздоръ занесъ!* къ чему *болтать пустое?* (*)

Вѣрно Читатели сами замѣтятъ учтивый тонъ Рецензіи и несвязность выписокъ: ето произошло отъ того, что послѣ напечатанія *Хлопотуна* были играны на Театрѣ нѣкоторыя мои пьесы, еще болѣе вооружившія противъ меня безпристрастіе Г. Полеваго. — Боясь обременить Читателей выпискою Явленій *Наслѣдницы*, разкритикованныхъ Г. Полевымъ, я прошу желающихъ заглянуть въ Комедію; они увидятъ, что въ разборѣ явленія перемѣшаны, стихи вырваны не имѣющіе связи между собою, и даже (трудно повѣрить!) *знаки препинанія разста-*

(*) Хорошо, что Г. Полевой тутъ догадался кончить свою Рецензію; а то иные сочли бы ето Епиграммою на мой щетъ.

влены ошибочно: етимъ средствомъ можно исказить лучшіе стихи. — Не стану спорить съ Г. Полевымъ о слогѣ моей Комедіи: я рѣшительно не признаю его судьею слога, пока онъ очевидно не докажетъ своего знанія Грамматики (*). — Но замѣчу нѣчто о содержаніи, чтобы показать Читателямъ, что Г. Полевой судитъ о вещахъ, не понимая, или не желая понимать ихъ. — Содержаніе *Наслѣдницы* (оно принадлежитъ Скрибу, а не мнѣ) такое, какого можно требовать отъ Комедіи въ одномъ дѣйствіи, состоящей изъ трехъ лицъ и безъ переодѣванія. — Дядя хочетъ женить племянника; за него открывается въ любви невѣстѣ, племянника подстрекаетъ самолюбіемъ, увѣряя, что невѣста его терпѣть не можетъ; потомъ, узнавши, что она разбогатѣла, хочетъ самъ на ней жениться, старается поссорить любовниковъ — и не успѣваетъ. — Пусть Г. Полевой напишетъ Комедію хоть такого содержанія — и я рѣшусь назвать его Литтераторомъ. — На щетъ вывода на сцену Графовъ и Князей въ мѣщанскомъ нарядѣ замѣчу безо всякаго самолюбія, что кажется я могу судить о тонѣ и разговорѣ хорошаго общества: я

(*) Въ 17 No М. Т. Г. Полевой говоритъ только, что его укоряли въ незнаніи Грамматики и не хочетъ доказывать несправедливости етой укоризны. — Стало я имѣю право принять за справедливое то, чего самъ Г. Полевой не хотѣлъ, или не могъ опровергать.

родился и выросъ въ немъ. — Графами же и Князьями называютъ дѣйствующихъ лицъ для избѣжанія собственныхъ именъ, которыя не очень пріятны въ стихахъ и часто не повинуются размѣру. — Если Г. Полевой не зналъ етаго, то я радъ случаю просвѣтить его. — Странно, что строгій Аристархъ желаетъ въ маленькой Комедіи — глубокихъ характеровъ! Я за ето вступлюсь тѣмъ болѣе, что характеры въ *Наслѣдницѣ* не моего изобрѣтенія. Графъ Тонской, пожилой холостякъ, наскучившій одиночествомъ, чувствуетъ необходимость жениться; но хочетъ найти невѣсту, которая при прочихъ достоинствахъ была бы богата: ета черта показываетъ егоиста, избалованнаго прежними успѣхами въ обществѣ и забывающаго, что время переходчиво: вотъ человѣкъ, котораго Г. Полевой называетъ *ничтожнымъ!* — Любимъ пылокъ, храбръ, самолюбивъ, увѣренъ въ себѣ и въ женщинахъ; и потому твердитъ поминутно объ завтракѣ, что онъ Княгиню считаетъ простенькой провинціалкой: Г. Полевой называетъ его *безхарактернымъ повѣсой*, забывая, или не зная, что ети два слова не могутъ соединиться и что *повѣса* есть уже *характеръ*. — Что Княгиня *умна*, ето видно во всей первой половинѣ пьесы, до того времени, когда страсть начнетъ въ ней дѣйствовать. — А что *страсть* дѣлаетъ глупѣе — ето доказываютъ грубыя ошибки *пристрастныхъ* Рецензентовъ. Но оставимъ ихъ и об-

ратимся къ безпристрастному Г. Полевому. — Напрасно печаталъ онъ стихи мои курсивомъ: перемѣна шрифта не испортитъ стиха; должно было сказать *почему* что дурно; знаю, что бранить легче, нежели доказывать, но позволительно ли это?

Вотъ до сихъ поръ въ чемъ состояли сношенія мои съ Г. Полевымъ. — Читатели могутъ видѣть, что не я началъ и не я продолжалъ нападенія; никогда бы не рѣшился я отвѣчать, если бы не увидѣлъ, особенно въ разборѣ *Наслѣдницы*, совершеннаго нарушенія всѣхъ Литтературныхъ приличій. Знаю, что искреннимъ отвѣтомъ своимъ еще болѣе вооружу Г. Полеваго; но меня утѣшаетъ надежда на судъ людей образованныхъ и увѣренность, что безпрестанными нападеніями на каждую строчку, мною написанную, противникъ мой со временемъ явно покажетъ — должно ли вѣрить его приговорамъ. — Представляя и впредь мои произведенія суду просвѣщенной Публики, я заранѣе буду увѣренъ найти ихъ осужденными въ Телеграфѣ; но обѣщаюсь впредь *не обращать никакого вниманія на нападенія Г. Полеваго.*

Заключу выпискою словъ Жуи: „La mauvaise „foi, si haïssable dans toutes les conditions „de la vie, est ce qu'il y a de plus odieux „dans le caractère d'un écrivain qui a le pou- „voir de devancer et la prétention de diriger

„l'opinion publique; ce vice est malheureuse-„ment celui qui domine dans la littérature „des journeaux."

P. S. Сей часъ попалось мнѣ въ 3 No М. Т. *сужденіе* и разумѣется — *осужденіе* Драматическаго Альбома. — Не желая впредь бесѣдовать съ Г. Полевымъ, я замѣчу здѣсь несправедливыя нападенія моего Антагониста:

1-е. Изъ *двухъ* Издателей Драматическаго Альбома, вездѣ нападаетъ онъ только на *одного* и отдѣляетъ меня отъ товарища моего А. Н. Верстовскаго. — Стало, если бы я не участвовалъ въ изданіи Альбома, то Г. Полевой иначе бы судилъ объ немъ.

2-е. Выписывая сужденіе Г. Булгарина (*), онъ выпускаетъ все сказанное почтеннымъ Издателемъ Таліи *въ похвалу* Драматическаго Альбома.

3-е. Вездѣ хочетъ выставить меня передъ Публикою самохваломъ; а не показываетъ, гдѣ именно и какъ хвалилъ я *себя*. — Я хвалилъ *изданіе* Альбома: это относится къ Типографіи, а не ко мнѣ. — Я хвалилъ поименно нѣкоторыя статьи: это опять

(*) Г. Полевой ссылается на Г. Булгарина!!! Сердечно радуюсь! и въ подражаніе Г. Полевому готовъ повторить все то, что Г. Булгаринъ писалъ объ немъ въ Сынѣ Отечества, Сѣверномъ Архивѣ и Сѣверной Пчелѣ.

относится не ко мнѣ, а къ почтеннымъ Авторамъ и Переводчикамъ, сообщившимъ мнѣ свои произведенія. — Въ Прологѣ къ *Колумбу* я только старался показать, какъ часто у насъ заранѣ осуждаютъ пьесу. — Гдѣ же хвалилъ я *самаго себя?*

4-е. Перетолковывая слова мои на щетъ *иныхъ* Читателей, для которыхъ карты и романы д'Арленкура дороже Русскихъ книгъ, Г. Полевой хочетъ отнести ихъ ко *всѣмъ* Читателямъ. — Не стану называть етаго поступка настоящимъ его именемъ; но всегда буду утверждать: что *иные* Читатели плохо судятъ; что *иные* прославленные Писатели не знаютъ Грамматики, что *иные* Журналисты съ намѣреніемъ искажаютъ и перетолковываютъ слова людей, которыхъ иначе побѣдить не въ силахъ.

5-е. Г. Полевой спрашиваетъ: къ чему *ведутъ* слова мои, что *скоро мѣщане и цѣховые сдѣлаются Журналистами?* Онѣ *ведутъ* къ тому, чтобы показать, что многіе берутся за то, чего не понимаютъ. — Въ Анекдотѣ же о купцѣ, который, не учась грамотѣ, боялся издавать Журналъ, — представленъ похвальный примѣръ, который къ сожалѣнію находитъ мало подражателей. — Неужьли Г. Полевой не зналъ етаго?

Что же слѣдуетъ изъ статьи Г. Полеваго? — Что онъ не пропустилъ случая напасть на меня. — Что намеками и несправедливыми обвиненіями старался онъ вооружить противъ меня А. Н. Верстов-

скаго, Ѳ. В. Булгарина, всѣхъ Рускихъ Литтераторовъ и всѣхъ Рускихъ Читателей. — Хорошо ли то? — Можно ли послѣ етаго вѣрить словамъ Г. Полеваго? И стоитъ ли статья его дальнѣйшаго возраженія?

КОНЕЦЪ.

